

Макарова-Мирская Александра Ивановна

Полтора месяца на Алтае

Из писем к бабушке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александра Ивановна М.**
Полтора месяца на Алтае: Из писем к бабушке / Макарова-Мирская Александра Ивановна –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 78 с.

ISBN 978-5-519-94827-2

ISBN 978-5-519-94827-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Макарій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

ПОЛТОРА МѢСЯЦА НА АЛТАѢ.

(Изъ писемъ къ Бабушкѣ).

30 Июня 1914 г. с. Чемаля.

Маленькая, бѣдная, но чистая церковь, стройное пѣніе, служеніе благоговѣйное и тихое, вѣжные дѣвичьи голоса, которымъ вторилъ доносившійся сюда ропотъ Катуня, — все это напомнило мое дѣтство, милое, безвозвратно ушедшее дѣтство, когда я съ подругами — пѣвчими въ Улалинскомъ миссіонерскомъ храмѣ пѣла за службами, и мой дѣтскій голосъ сливался съ голосами подругъ, алтайскихъ дѣвочекъ, славившихъ Бога такъ же, какъ теперь славятъ его дѣвочки Чемальской Общины во Имя Божіей Матери „Всѣхъ скорбящихъ Радости“. Мнѣ тогда пѣлось легко, и алтайскій языкъ казался мнѣ роднымъ, а сегодня пѣніе этихъ, собранныхъ доброю рукой подъ кровъ обители, дѣтей напомнило такъ ярко бывшее, милое, далекое дѣтство.

Садилось красное солнце за высокія горы: уходя, оно озаряло чудный Ликъ запрестольной иконы Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, такъ просто и вѣжно тянувшимъ съ образа ручки къ молящимся. Звонко и ясно читала алтайская дѣвочка слова молитвъ, и сладкая грусть томила сердце, слезы обжигали глаза: вѣдь послѣ столькихъ лѣтъ я была опять на Алтаѣ, на миломъ Алтаѣ, дышала воздухомъ горъ!

Послѣ службы меня потянуло къ р. Катуня; тихій вечеръ догоралъ, зажигались звѣзды, и волны моей любимицы жадно облизывали скалы, несокрушимыми массивами поднимающіяся надъ нею. Красота этого мѣста удивительна, и я жалую, что проходятъ лунныя ночи, когда Катунь серебрится, сверкая бѣляками, волшебна красивая при свѣтѣ луны.

Служба отвлекла меня отъ того, что я хотѣла сообщить Вамъ, о моемъ пути. Изъ Томска на Мельниковскомъ

„Двигатель“, огромномъ пароходѣ, мы двинулись съ большимъ удобствомъ, только забота о дѣтяхъ нѣсколько волновала меня: Объ такъ огромна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и даже нашъ „Двигатель“ казался мнѣ маленькимъ и безпомощнымъ на этомъ обширномъ водномъ пространствѣ. И съ особеннымъ, такъ часто повторяющимся здѣсь со мною, чувствомъ сладкой грусти увидѣла я марево горъ уже на пути отъ Барнаула къ Бійску. Вы знаете, что вѣхатъ на Алтай меня потянуло особенно, когда я узнала, что нашъ Владыка Макарій, теперь Митрополитъ Московскій, будетъ жить тамъ лѣто. По дорогѣ я живо интересовалась его проездомъ; онъ опередилъ насъ только на три дня и уплылъ тоже на Мельниковскомъ пароходѣ „Воткинскій заводъ“ до Бійска.

Вездѣ удивлялись простотѣ Московскаго Святителя: онъ ѣдетъ съ келейникомъ, іеромонахомъ и іеродиаконъ, спѣшитъ на Алтай съ великою простотою этотъ кроткій Апостолъ Алтая.

Мнѣ было отрадно думать, что онъ остался тѣмъ-же простымъ, доступнымъ, любящимъ, какимъ я знала его съ дѣтства.

Въ Бійскѣ, посѣтивъ Епископа Иннокентія, мы узнали, что Владыка уѣхалъ на могилу своего родителя въ село Красный-Яръ и оттуда въ Улату, гдѣ долженъ былъ посвятить во Игуменію настоятельницу Чемальской общины, гдѣ мы сейчасъ живемъ всей семьей. Игуменья—интересная личность: кончила восемь классовъ Томской гимназіи и ушла въ монастырь Томскій, гдѣ ея любовь къ дѣтямъ обратила на себя вниманіе Владыки Макарія. Любя свой Чемальскій пріютъ, Владыка послалъ эту мягкую сердцемъ дѣвушку, дѣйствительно замѣнившую сиротамъ мать за шесть лѣтъ своей жизни въ Алтай; сюда она привела за собою свою труженицу мать, Евдокію Васильевну Михайлову, которая испытала въ мірѣ печали жизни, и дѣти пріюта нашли въ нихъ то, что потеряли въ лицѣ своихъ родныхъ.

Пріютъ Чемальскій основанъ былъ лѣтъ двадцать тому назадъ алтайскимъ миссіонеромъ о. Бенедиктовымъ съ благословенія Владыки Макарія; сперва надзоръ былъ порученъ иноподданической дѣвицѣ Пріятѣ Макаровнѣ Козловой, но она уже состарилась и сложила свои заботы на плечи 36-ти

лѣтней настоятельницы, взявъ на себя присмотръ за мальчиками, которыхъ немного, и печеніе просфоръ.

Къ исторіи Чемальской общины я вернусь послѣ, а теперь скажу Вамъ о нашей встрѣчѣ съ Владыкой на пути. Въ Бійскѣ насъ съ мужемъ увѣрили, что мы Владыку не догонимъ, и посоветовали ѣхать прямо въ Чемаль, куда онъ обѣщалъ прибыть изъ Чолушмана, но въ селеніи Майма, у подошвы алтайскихъ горъ, гдѣ Основатель миссіи Макарій Глухаревъ началъ нѣкогда свое святое дѣло, мы узнали, что Митрополитъ тутъ, близко, въ 15 верстахъ, и проживетъ до среды,—25-го Іюня.

Было прелестное утро, когда мы въ узкихъ и неудобныхъ телѣжкахъ пустились въ путь, и, увидѣвъ крестъ Улалинскаго сельскаго храма, я вспомнила все милое дѣтство, лицо матери, бабушки, моего любимаго дѣдушки, Вареньки, брата Маки—всѣхъ, кого я любила, и кто уже ушелъ въ вѣчность, выше моихъ милыхъ горъ; въ умѣ повторялись нѣкогда переложенные мною съ нѣмецкаго стихи:

„Наконецъ, я увидѣлъ васъ, горы родныя!
Солнце съ ясныхъ привѣтъ шлетъ небесъ...
Радостнымъ шепотомъ листьевъ зеленыхъ
Ласково манить насъ другъ, старый лѣсъ.
Послѣ долгихъ скитаній по чуждымъ странамъ,
Видѣтъ небо отчизны такъ радостно намъ!
Послѣ страстей тяжелыхъ въ чужой сторонѣ,
Небо родины милой такъ радостно мнѣ!“

Въ Улалѣ остановились у церкви. Милая церковь со старыми хорами! она показалась мнѣ маленькой, но не убогой. Яркій лучъ жаркаго солнца золотилъ вѣнчикъ ризы Великомученика Пантелеймона, къ чудотворной иконѣ котораго я подвела дѣтей; въ этой церкви насъ съ мужемъ вѣнчалъ дядя, алтайскій миссіонеръ, сюда провожалъ меня мой любимый дѣдушка протоіерей Вербицкій, здѣсь служили всѣ: и Архіепископъ Владимиръ, и Митрополитъ Макарій, и другой мой дѣдушка—отецъ Стефанъ Ландышевъ. Тутъ же у алтаря ихъ могилы, могилы моихъ духовниковъ—отца Романа и отца Александра, и мы всѣ поклонились имъ, потрудившимся много: у дѣдушки Вербицкаго—дяди моего отца по матери на плитѣ, между прочимъ, указано, что онъ окрестилъ 2117 человекъ.

Мнѣ хотѣлось показать дѣтямъ Улалу, но мы спѣшили увидѣть Владыку, и поѣхали, не задерживаясь, въ Улалинскій монастырь. Игуменья его мать Серафима, въ мѣръ Софья Васильевна Попова, ей почти 70 лѣтъ, но это живая, представительная и совсѣмъ моложавая на видъ женщина: встрѣтила она насъ съ обычной привѣтливостью, подкупающей сердце; я ее знаю съ дѣтства такъ же, какъ и милую матушку Клавдію: нѣкогда мать Серафима завѣдывала Улалинскимъ пріютомъ, а матушка Клавдія была въ ней учительницей, и мы—дѣти любили обѣихъ.

Во дни моего дѣтства монастырь стоялъ въ долинѣ, а теперь онъ на болѣе живописномъ мѣстѣ, на горѣ и чудный видъ открывается оттуда на Улалу: точно картинка въ зеленой богатой рамѣ горъ кажется село.

Монастырь живетъ трудами своихъ рукъ; у него есть хорошіе дома и на рѣдкость прекрасный соборъ. Большая часть капитала на его постройку дана покойнымъ Архіепископомъ Казанскимъ Владимиромъ, и матушкѣ Серафимѣ было много труда, послѣ его смерти, достроить и украсить этотъ храмъ. Чудный, бѣлый внутри, высоко вознесенный Соборъ производитъ прекрасное впечатлѣніе: въ монастырѣ есть и другая церковь, въ нее мы не пошли: тамъ стояла на „молитвѣ“ Чемальская игуменья матушка Людмила: по уставу, послѣ постриженія, она должна была пробыть въ церкви нѣсколько дней.

Владыка Митрополитъ вернулся съ монастырскаго кладбища и отдыхалъ, пока матушка Серафима, принявшая насъ, путниковъ, показывала намъ соборъ, а потомъ мы пошли къ его маленькому домику за монастырской оградой: у него былъ Бійскій уѣздный исправникъ, но насъ скоро приняли, и, удерживая слезы радости, я увидѣла Владыку постѣ двухъ почти лѣтъ; увидала его безконечно доброе лицо и не могла на него насмотрѣться; та же простота кругомъ, та же мягкая улыбка! Святитель Московскій остался тѣмъ же, чѣмъ былъ—роднымъ Алтаю и намъ, дѣтямъ этого Алтая!

Я спросила его о болѣзни, мучившей его, экземѣ, и онъ разсказалъ мнѣ о своемъ удивительномъ исцѣленіи.

„Тайну цареву подобаетъ хранить, дѣла же Господни возвѣщать. Прошло уже около шести мѣсяцевъ послѣ того дня, въ который Господь явилъ надо мною, грѣшнымъ, ми-

лость Свою по молитвамъ приснопамятнаго отца Іоанна Кронштадтскаго пастыря. Назадъ тому около пяти лѣтъ у меня появился на одной ногѣ сухой лишай, превратившійся потомъ въ экзему. Экзема вскорѣ перешла съ одной ноги на другую. По совѣту доктора, были употребляемы противъ этой болѣзни лѣкарства, которыя облегчали болѣзнь, успокаивая на нѣкоторое время зудъ, но не исцѣляли болѣзни. Сухая экзема превратилась въ мокнущую, переходила съ одной части тѣла на другую, со ступней ногъ на голени, оттуда поднималась все выше и выше; переходила потомъ на руки, на спину: особенно беспокоила болѣзнь ночью; нужно было вставать въ полночь, снимать бинты, старую мазь стирать, снова намазывать и бинтовать. Такъ было до 20-го декабря 1913 г. Въ этотъ день—какъ день кончины блаженной памяти о. Іоанна, я приглашенъ былъ служить литургію въ Іоанновскій монастырь, гдѣ погребено тѣло пастыря и молитвенника, достойно чтимаго и по смерти. Послѣ литургіи была отслужена, по обычаю, и панихида въ склепѣ, гдѣ помышается рака надъ гробомъ почившаго. Съ этого дня началось мое освобожденіе отъ мучительнаго недуга. Во весь день и вечеромъ не потребовалось обычныхъ лекарствъ. Ночь прошла спокойно безъ мазей. Слѣдующій день такъ же. Къ ночи, хотя и были приготовлены обычныя снадобья, но они уже не понадобились. Тогда мнѣ понятно стало, что со мной совершается чудо милости Божіей, по молитвамъ того, кто еще при жизни уже прославлялся за чудодѣйственную силу молитвъ. Прошла недѣля или двѣ, я опять былъ у гроба моего цѣлителя, чтобы благодарить Господа за угодника Его, которому дана сила недуги исцѣлять. Съ 20-го декабря 1913 г. до сего дня я не употреблялъ никакихъ лекарствъ противъ одержавшей меня болѣзни; всѣ склянки, банки изъ подъ лекарствъ, бинты и проч. остаются теперь, какъ памятники той болѣзни, отъ которой я избавленъ по молитвамъ приснопамятнаго о. Іоанна. Сему вѣрю и исповѣдую во славу Бога дивнаго во святыхъ своихъ“.

Мнѣ не хотѣлось уходить: такимъ миромъ полно было мое сердце послѣ его разсказа. Я привела здѣсь записку, сдѣланную близкимъ къ Владыкѣ лицомъ. Это чудо изумило меня: Владыка теперь свободно ходитъ, посвящаетъ и помолодѣлъ, на мой взглядъ. Дивны, дѣйствительно, дѣла

Божин! Мы попросили благословенія отправиться въ Чемаль, попросили съ грустью: такъ не хотѣлось уѣхать изъ маленькаго скромнаго домика и тихой обители.

Владыка поѣдетъ въ Челушманъ по прекрасному Телецкому озеру, но это такъ далеко, и для насъ теперь недоступно, да и обременять его присутствіемъ нашимъ было неудобно.

Въ тотъ же день уже въ часъ ночи, ночи лунной, обаятельно красивой, по живописной дорогѣ, гдѣ тишину нарушалъ рокотъ алтайскихъ рѣкъ, по бомамъ и переваламъ, мы достигли Чемала, мирно спавшаго. Наша мечта была найти комнату въ „Общинѣ“, и хотя дачниковъ нынѣ тамъ не принимаютъ, добрая матушка Людмила, съ которой я списалась заранѣе, дала намъ комнату въ школѣ очень удобную, въ которой я и пишу вамъ эти строки.

Прошла уже недѣля нашей жизни здѣсь, и мы увидѣли столько чудныхъ мѣстъ, бродимъ въ бору, около Катуня, слушаемъ монастырскія службы, за которыми наша настоятельница поетъ и читаетъ сама съ дѣвочками: видимъ неусыпные труды ея и ея старушки матери, мирную жизнь, любовь къ дѣтямъ-сиротамъ, и намъ хорошо въ этомъ уголкѣ, далеко отъ Чемальской курортной жизни. А за стѣнами монастыря въ чудномъ углу бора столько красоты, что можно любоваться цѣлыми днями.

Это письмо вышло слишкомъ длиннымъ, и уже въ слѣдующемъ я опишу вамъ монастырь, который начинаетъ расти и обстраиваться заботами Митрополита Макарія.

Привѣтъ вамъ съ Алтая отъ задумчивыхъ горъ и мятежной красавицы Катуня, то—бирюзовой, то бѣловато-мутной, съ измѣнчивыми, появляющимися то-тамъ, то-тутъ, бѣляками.

Привѣтъ отъ тихаго „Патмоса“—острова Владыки, поднимающагося изъ воды скалистыми уступами, отъ свободнаго быстраго и тоже бурливаго „Чемала“, съ тихаго „Пешпека“, отъ живописныхъ скалъ, и бора.

4-го Іюля 1914 г.

Чемальскій монастырь живописно раскинулся среди сосенъ, лиственницъ и скалъ близъ горы, крутымъ уступомъ опускающейся къ Катуня. Дома селенья вплотную подошли

къ его оградѣ, и невольно жалѣешь о тѣхъ временахъ, когда лѣсъ окружалъ это удивительно живописное мѣсто.

Въ монастырскую ограду попали вмѣстѣ съ частью бора чудныя уголки: скалы у трапезной, прямо обрывающіяся въ Катунь, Владыкинъ „Патмосъ“, къ которому ведетъ крутая тропа до Катуня; нѣкогда тутъ бѣжалъ ручей,—да лѣе идутъ причудливыя скалы съ щелями, пролетами на Катунь, отвѣсные утесы... все это осѣняютъ сосны и лиственницы; богато разросся мараль межъ скалами, покрывая ихъ. Большіе кусты его чудно цвѣтутъ весною; тихой прелестью вѣетъ въ долину съ скалой, въ просвѣты ущелий которой видна Катунь, беспокойная, красная и гордая, сжатая въ каменистыхъ берегахъ и, словно прикрытая крутымъ огромнымъ выступомъ лѣваго берега.

Въ монастырѣ встаютъ рано: въ 5 часовъ поднимаются и хлопчутъ: надо накормить много дѣтей, а рабочихъ рукъ мало; Матушка игуменья и сестра Анисья Степановна—ея помощница—на ногахъ съ утра въ новой церкви и вездѣ. Сестра Анисья, между службъ и молитвъ, которыя совершаются въ свое, разъ навсегда положенное время, успѣваетъ вездѣ: не разъ и видѣла я ее то съ лагушкой дегтя, то—смолящей грабли для покосницъ, то въ огородѣ, то красящей табуреты краской, а матушку игуменью—разбирающую присланную церковную утварь изъ ящиковъ; она сама раскупориваетъ ихъ вмѣстѣ съ сестрами, она всегда за дѣломъ: работы монастыря совершаются въ тишинѣ. Сестра Елизавета возить воду, убираетъ мусоръ... никакая черная работа не пугаетъ никого.

Мило смотрѣть, какъ ребятенки пріюта съ серьезнымъ видомъ носятъ щепы съ постройки, а неутомимая мать матушки игуменьи то везетъ хлѣбъ для сестеръ на покосъ, то несетъ почту до волостного правленія, хлопочетъ по хозяйству, ухитряясь еще свободное время отдавать шитью церковныхъ вещей облаченій на престолъ, жертвенникъ и проч. Она неукоснительно, какъ староста церкви, бываетъ на всѣхъ богослуженіяхъ, оправляетъ свѣчи, ставитъ ихъ, слѣдитъ за чистотою храма. Мать учительницы, старушка Смирнова, помогаетъ читать въ церкви... та печетъ просфоры, другая—ухаживаетъ за дѣтьми... сестра Екатерина и старица Агафья хлопчутъ въ трапезной; юныя подражаютъ старшимъ... это—

прекрасный улей, гдѣ нѣтъ трутней, а все трудолюбивыя пчелы, для малыхъ сихъ отдающія свои силы.

А какъ ждуть Владыку Митрополита. Мнѣ пришлось говорить съ Кузей—это тридцатилѣтній калѣка, ходитъ на костыляхъ, кривобокій: его пьяная мать жестоко была въ дѣтствѣ.

— „Прійдетъ,—говоритъ Кузя дѣтски-радостнымъ голосомъ,—постой, дасть ему Богъ здоровья, онъ мнѣ келью построишь у насѣки... смотри, сколько построилъ домовъ, денегъ на ограду прислалъ... онъ у насъ хорошій, шибко хорошій... мы ему рады... ты знаешь его?“

И радуется, когда я говорю, что знаю и люблю.

А простодушная Марья Борисовна, инородка, какъ и Кузя старается, убирая валежники въ Пешпекѣ, и на нашу похвалу говоритъ:

Онъ ходитъ будетъ, нашъ Улу-абызъ. Я еще завтра кучу соберу съ дорожки, чтобы дорожка чиста была.

Дѣти... они ждуть нетерпѣливо, эти славные ребяточки съ скуластыми алтайскими личиками и черными, живыми и умными глазами.

Я люблю, уставъ отъ прогулокъ, говорить съ „мамочкой“, какъ зовутъ многіе въ монастырѣ старушку—матушкину мать: какая богатая печалью жизнь у этой труженицы, и какъ просто передаетъ она о скорбяхъ прошлыхъ и временахъ былыхъ. Но говорить ей приходится на лету, или за шитьемъ, когда ея искусныя руки ловко и быстро управляютъ съ облаченіемъ. Недавно она схоронила двухъ сыновей въ расцвѣтѣ лѣтъ: сироты, внуки ея далеко, далеко и два живыхъ сына... съ нею одна любимая дочь, сердце которой съ 14 лѣтъ потянулось отъ міра.

Сперва зимою тосковала я,—говоритъ мамочка о себѣ,—а теперь привыкла за дѣломъ да въ церкви, скучать некогда... дико здѣсь зимою.

— А матушка,—спрашиваю,—тосковала?

— Не говоритъ,—отвѣчаетъ мнѣ мамочка,—молчалива она... на то себя посвятила: вѣдь, 80 человѣкъ въ школѣ... день съ ними да за службой... когда ей и тосковать? А меня міръ тянулъ, теперь привыкла... хорошо тутъ лѣтомъ: сестры у насъ добрыя... Помогли, Господи, только работать: работы столько—глаза не глядятъ.

Крѣпко помнятъ въ монастырѣ всѣхъ, кто оказываетъ